

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-31-37

ЭМОТИВНЫЙ МОДУС АНГЛИЙСКИХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Пугачева Е.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается способность отрезков со сменным субъектом речи передавать эмотивное состояние пишущего. Автор приходит к выводу, что переключение кодов с одной языковой системы на другую заметно повышает эмотивность и смысловую содержательность текста. Именно с позиций дискурсного анализа, характеризующегося функционально-деятельностным и антропологическим подходами и учитывающего экстралингвистические факторы, автору удаётся найти подходящий ключ к пониманию дневникового наследства Л.Н. Толстого. Основным выводом проведённой работы считаем: гибридность текста, т. е. способность включать несколько сменных субъектов речи, прослеживается как на уровне формы, так и на уровне содержания.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, аллюзия, реминисценция, глубинный смысл.

THE EMOTIVE MODUS OF FREHCN INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE DIARY HERITAGE OF L.N. TOLSTOY

E. Pugacheva

*Moscow Region State University
10A Radio ulitsa, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article analyses the ability of texts with a formally different subject of speech to render the emotive state of the author. The author shows that the shift of language codes from one system to another significantly increases the emotiveness and sense capacity of the text. Discursive analysis, characterized by functional and anthropological approaches, enables the author to find the clue to understanding the text. The main conclusion of the work is that text hybridity, which is the ability to include several subjects of speech, is conveyed both through the form and the context.

Key words: intertextuality, precedent, intertextual inclusions, quotation, allusion, reminiscences, innermost sense.

Обращение к иноязычным произведениям ярко характеризует языковую личность Л.Н. Толстого: масштабность мысли, широта интересов, глубина познания, любовь к новшествам, любознательность. В своём дневниковом наследстве, представляющем собой крайне любопытный для филологического исследо-

вания **материал**, Л.Н. Толстой много и часто цитирует авторов, с которыми был согласен в мировоззрении, а ещё более – с которыми не согласен. Выдержки из текстов первых авторов занимали постпозицию в его аргументации, служили дополнительными доводами в пользу истинности его собственного мнения. Выдержки из текстов прочих авторов служили противоправными пунктами его размышлений и, следовательно, занимали препозицию в его дневниковом наследстве.

В этом когерентном единстве прослеживаются тесная взаимосвязь и взаимозависимость мысли и эмоции, изучение которых в связи с средствами реализации языковой личности говорящего является наиболее **актуальной темой** современных исследований [2; 3; 6; 7]: чувства необходимы для мышления, а мышление – для чувств. Д. Гоулман отмечает: «наши мысли – познавательная способность – играют ключевую роль в решении о том, какие эмоции будут возбуждены. Стоит только произвести оценку, как тут же следует подходящая эмоциональная реакция» [1, с. 450]. **Практической значимостью** проводимого автором исследования можно считать культивирование эмоционального интеллекта языковой личности и, как результат, оздоровление современного общества, погрязшего в конфликтах.

В качестве **теоретической значимости** представленная статья имеет **целью** доказать, что поликодовость (гибридность – в терминологии В.Е. Чернявской [5]) текста проявляется во взаимодействии различных семиотических систем. В связи с чем ставятся **множественные задачи**, соответствующие алгоритму работы:

1. методом сплошной выборки выявить элементы текста, вербализующие языковую личность автора в заданном аспекте;

2. методом категоризации провести классификацию избранных отрывков текста по следующим основаниям: 1) указание на источник цитирования; 2) переход на иные языковые системы; 3) переключение на различные социальные роли; 4) сдвиг на вариации эпистолярного жанра; 5) виды графического выдвигания; 6) стилистические средства передачи эмотивности; 7) синтаксические особенности оформления текста. Особое внимание обращается именно на семантику формы;

3. определить содержательно-фактуальную, содержательно-подтекстовую и содержательно-концептуальную информацию принимаемого текста;

4. методом лексико-стилистического анализа оценить знак эмотивного модуса окружающего текста, учитывая как ближайший контекст, так и контекст дистантного характера. В этом случае фокус внимания приходится на семантику формы текста;

5. оценить модальность интертекстуального вкрапления на предмет соответствия и расхождения с окружающим текстом и выделения подтекстовой информации. Совпадение и несовпадение знаков модусности гласит оприятии и неприятии автором доносимой информации.

По заявленному алгоритму начинаем с изучения откровений автора дневников относительно его восприятия английского языка: *Очень тонко описана любовь к женщине – нежно, гораздо тоньше, чем у французов, где чувственно, у англичан, где фарисейно, и у*

немцев – напыщенно... [4, с. 425]. Как видим, Л.Н. Толстой сравнивает разные народы и сопоставляет их. Примечательно, что на фоне эмоционально-окрашенных лексических единиц *чувственно* и *напыщенно фарисейно* звучит критично. Этимологический анализ позволяет установить, что корень данного ивритского слова означает *обособляться, отделяться*, но со временем стал синонимом *ереси, отступничества*. Получается, что держатель дневниковых записей не обошёл стороной религиозный вопрос.

Двуликость англичан, их умение создавать впечатление, иллюзию, рисоваться отмечается многими народами. Но при этом Л.Н. Толстой умел видеть сильные стороны отдельных представителей туманного Альбиона и делал поправки в своём суждении о них: *Читал Coleridge'a. Очень симпатичный мне писатель – точный, ясный, но, к сожалению, робкий – англичанин – англиканская церковь и искупление... Много прекрасного. Но у него английская болезнь. Ясно, что он может ясно, свободно и сильно думать; но, как только касается того, что уважается в Англии, так он, сам не замечая того, делается софистом* [4, с. 436].

Отметим прежде всего открытость сочувствующего эмоционального фона Л.Н. Толстого: *очень симпатичный, к сожалению, ясно, прекрасного, сам того не замечая*. Как будто оправдывал указанного поэта в глазах общест-венности. Этой же цели служат многочислен-ные повторы: *троекратное ясный-ясное, четырёхкратное англичанин – Англия – английский*, трижды приводятся уступительные придаточные предложения, начинающиеся с

противительного союза *но*. Метафорические выражения *английская болезнь, делается софистом* указывают на скрытую подоплёку, не очевидную для русского человека. Согласно словарям, софист – в древности учитель красноречия, оратор, мудрец. Однако со временем развилось и укоренилось дополнительное, уничижительное значение *хитрован, лжец (софизм – хитрость, ухищрение)*. На этом фоне идёт некоторая оговорка, неприятная характеристика Англии, что такое положение вещей не только не осуждается, но уважается и приветствуется. Возникает ощущение, что английский язык становится для Л.Н. Толстого языком недомолвок и неправды, языком с опасным подтекстом.

Переходим к изучению английских интертекстуальных вкраплений на уровне слова и их способности передавать эмоциональное состояние автора: *Читал Тролопа*¹. *Коли бы не diffuseness, хорошо* [4, с. 269]. Как видим, выдвинутая гипотеза касательно отношения автора к английскому языку оправдывается. Лексическая единица *diffuseness* переводится как *размытость, расплывчатость, многословность, смазанность*. Модальность уступительного предложения весьма красноречиво подтверждает ранее указанные аспекты. На этом фоне ЛЕ *хорошо* звучит весьма иронично: хорошо, но неясно. Второй, современный слой иронии можно услышать на стыке уходящего из активного употребления русского *коли бы* и неустаревшего английского *diffuseness*.

Отметим также, что данное замечание – первое на английском языке в дневниках Л.Н. Толстого и относится к

¹ Сохранена авторская орфография.

1865 г. В это время, когда Толстой, уже будучи признанным литератором, отцом разрастающегося семейства, входит в число русских классиков и имеет сильнейшее воздействие на умы своего поколения, создаёт эпопею «Война и Мир». Работа продвигалась тяжело, поскольку точность и ясность – важнейшие критерии правды и красоты в восприятии Л.Н. Толстого. Он уходил от призывов английскости в своём творчестве: никакого фарисейства и софистики, только правда и ничего более.

Пример использования английских интертекстуальных вкраплений на уровне словосочетания: *Потом получил книгу Биорнсона "In God's way". Серьёзно, with a purpose, талантливо местами и нескладно, много излишнего и не сшитого* [4, с. 437].

Своё изучение английской книги Л.Н. Толстой предварил прочтением исследования А.М. Иванцова-Платонова «Ереси и расколы первых трёх веков христианства» (1877), поскольку в 1890 г., когда была создана эта дневниковая запись, сам он писал трактат «Царство Божие внутри вас...». Как мы понимаем, в это время Толстой много рассуждал о Боге и его значении в жизни каждого в отдельности и всей страны в целом. В это время за Л.Н. Толстым уже велась слежка и церковь открыто выражала недовольство его вольнодумием. В некотором смысле он сам становится еретиком и изгоем, т. е. примеряет роль англиканского отщепенства, протеста, несогласия. Вот здесь и кроется секрет того сочувствия, которое Л.Н. Толстой продуцировал к творчеству С. Кольриджа и ко всему, что является английским, в целом.

Выделенное английское словосочетание *with a purpose*, что переводится как *тенденционно, умышленно, намеренно, нарочито*, стоит в синонимическом ряду с ЛЕ с положительной эмоциональной оценкой: *серьёзно, талантливо*. Отметим, ЛЕ *purpose* весьма многозначна, что весьма свойственно английскому языку. Среди основных значений выделяются: цель, намерение, результат, успех, целеустремлённость, целенаправленность, воля, решительность. Однако последующая ЛЕ местами делает инвертированное предложение иронически звучащим, поскольку большая часть произведения оказывается нескладной, несшитой, многословной. С точки зрения эмотиологии это предложение – пример критической эмпатии. В психологии есть мнение, что человек критикует в других людях то, что сам старается скрыть и избежать в себе самом [2; 3; 6; 7].

На уровне предложения также можно найти множество примеров. Вот один из них: *Получил письма и выписку из газет: The World has of Tolstoi, as much as it can digest. Лестно. То-то и скверно, что прислушиваешься к этому* [4, с. 381].

Приведённая ссылка на зарубежный источник создаёт эффект гиперсемантизации, поскольку *The World* – это и название публицистического издания, и мир в значении *публика*. Метонимическому переносу вторят олицетворяющие ЛЕ *has* и *digest*. Отметим, что последняя ЛЕ многозначна: краткое изложение, резюме, компендиум, справочник, сборник, свод законов и решений суда, переваривание, усвоение, овладение, терпимость, переносимость, классификация, систематизация, выпаривание, удобрение,

приготовление компоста. Конечно, о компосте речи быть не может, но прочие значения логически реализуются в тексте. Очень немногие современники могли полностью понимать и осознавать творческое наследие Л.Н. Толстого, ведь он шёл не просто в ногу со временем, но значительно опережал его.

Вторая метонимия «Толстой = его произведения» стёрта, но заметно оживляется за счёт создаваемого юмористического эффекта. Данный эффект использован весьма неслучайно. Л.Н. Толстой тяготился мировым признанием; ему претила лесть, которой его осыпали с избытком; ему мешали толпы зевак, приходящих к нему посмотреть на живую икону, человека-легенду; он не признавал своего превосходства над человечеством. В его мировоззрение это никак не вписывалось, вот почему далее в выделенном предложении на стыке оказываются взаимоисключающие ЛЕ *лестно*, *скверно*. С точки зрения эмоционального проявления данное предложение заслуживает особого внимания. Обострённое самоощущение Л.Н. Толстого, контролировавшего внутреннюю жизнь многочисленными табу, заставляет его выражать своё состояние кластером полярных понятий.

Приведём пример использования английских интертекстуальных вкраплений на уровне сверхфразового единства как показателя эмотивного модуса автора: *Потом англичанин, кавалерийский офицер, охотник до horseflesh. Дикая вполне англичанин (Г. Стюарт). На все у него готовы evasiv'ные шутки и слова. Лига мира? – “The friends of peace fight between themselves”. Насчет веры: все лицемеры, а я люблю Библию, и мои верования для меня, говорить про них*

незачем. Потом люблю мотать деньги, а потом I will rough it в Австралии. Красота тела есть душа. Whitman ему сказал это. Это его поэт [4, с. 357].

Представленное интертекстуальное вкрапление относится к числу эмоциональных, о чём свидетельствуют варваризмы, морфологические окказионализмы, переход с повествования на прямую и несобственно-прямую речь, многообразие затронутых тем (вера, лошади, деньги, красота, поэзия). Создаётся впечатление соположения несопоставляемого (именуемого в стилистике зевгмой) и иронии одновременно: *дикий вполне; друзья мира борются; все лицемеры, а я люблю Библию; тело есть душа*. В целом – описан характер англичанина и авторское отношение к нему: эвазивный, неуловимый, неописуемый, непонятный.

Заметим, что у Л.Н. Толстого активно развита вторичная языковая личность, определяющая способность к общению на межкультурном уровне и к качественному взаимодействию с представителями других сообществ.

В заключение отметим, что именно с этой ключевой способностью языковой личности автора коммуницировать смыслы в межкультурном пространстве связываются перспективы развития лингвистики дискурса. В указанных условиях текст вынужден становиться гетерогенным, поликодовым, интердискурсивным, привлекающим различные семиотические системы и формы взаимодействия внешнего и внутреннего, вербального и визуального. Подобный интердискурсивный подход к изучению текста требует привлечения новых стратегий при его интерпретации и предложенная методика может служить одной из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. М.: АСТ, АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478[2] с.
2. Игнатович М.В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX в. (на материале романов Т. Пратчетта и их переводов на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 23 с.
3. Михалевич О.В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект // *Journal collection of scientific works of Krasac "THE HUMANITIES"*. 2011. №1 (17). С. 145–151.
4. Толстой Л.Н. Дневники 1895–1910 гг. // *Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н.К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.*
5. Черняевская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2015. 208 с.
6. Филимонова О.Е. Репрезентация категории эмотивности в сонетах Шекспира // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 52–59.
7. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // *Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. трудов. Волгоград: Центр, 2004. С. 147–168.*

REFERENCES

1. Goulman D. *Emotsional'nyi intellekt* [Emotional intelligence]. Moscow, AST Publ.; Vladimir, VKT Publ., 2009. 478[2] p.
2. Ignatovich M.V. *Kul'turnaya adaptatsiya intertekstual'nykh vklyuchenii pri perevode proizvedenii angliiskoi literatury XX v. (na materiale romanov T. Pratchetta i ikh perevodov na russkii yazyk): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cultural adaptation of intertextual inclusions in translation of English literature of the XX century (study of T. Pratchett novels and their translations into Russian): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2011. 23 p.
3. Mikhalevich O.V. [The problem of studying linguistic personality in linguistics: historical aspect] In: *Journal collection of scientific works of Krasac "THE HUMANITIES"*, 2011, no. 1 (17), pp. 145–151.
4. Tolstoy L.N. [Diaries 1895–1910]. In: *Gudziya N.K., ed. Sbranie sochinenii. T. 19* [Collected works. Vol. 19]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 670 p.
5. Chernyaevskaya V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 208 p.
6. Filimonova O.E. [Representation of the emotive category in Shakespeare]. In: *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics (Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Linguistics)], 2015, no. 1, pp. 52–59.
7. Shakhovskii V.I. [Emotional-semantic dominant of the natural and artistic communication]. In: *Yazyk i emotsii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoi deyatel'nosti* [Language and emotion: personal meanings and dominant in speech activities]. Volgograd, Tsentr Publ., 2004, pp. 147–168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Pugacheva – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пугачева Е.Ю. Эмотивный модус английских интертекстуальных вкраплений в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 31–37.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-31-37

FOR CITATION

Pugacheva E. Yu. The Emotive Modus of Frehcn Intertextual Inclusions in the Diary Heritage of L.N. Tolstoy. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 1, pp. 31–37.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-31-37